

DOI 10.15393/j9.art.2015.2659

УДК 821.161.1.09“18”-3

Елена Алексеевна Федорова

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова,
Рыбинский государственный историко-архитектурный
и художественный музей
(Ярославль, Рыбинск, Российская Федерация)
sole11@yandex.ru*

**ЕВАНГЕЛЬСКОЕ КАК РОДНОЕ
В «БРАТЬЯХ КАРАМАЗОВЫХ»
И «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» (1876–1877)
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Аннотация. В статье выявляются причины обращения Ф. М. Достоевского к традициям древнерусской словесности в «Дневнике Писателя» периода русско-турецкой войны. Один из главных мотивов — поиск национальных основ русской духовности. Писатель постигал мир средневековой книжности, знакомясь с агиографией, хождениями, духовным красноречием. Ф. М. Достоевский вновь обратится к древнерусским памятникам в процессе работы над романом «Братья Карамазовы» (особенно над главой «Русский инок»). В результате сопоставления текстов выясняется, что доминирующими качествами идеального образа русского святого являются покаяние, смирение и страдание, стремление к очищению, способность к духовному сопротивлению злу. Идеальной формой существования русского народа становится соборность. Тип историзма — это движение к Страшному суду. Евангельские аллюзии и метафоры усиливают авторскую интерпретацию. Таким образом, диалог с евангельским словом Ф. М. Достоевский осуществляет на идейном, образном, жанровом, мотивном, повествовательном уровне текста. Отличительным признаком произведений Ф. М. Достоевского, следующего евангельским традициям, становится диалогичность слова.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Дневник Писателя», «Братья Карамазовы», традиции древнерусской словесности

Размышляя о своеобразии русской духовности, Вяч. Иванов в статье «Ликъ и личины Россіи» писал: «Признаніе святости за высшую цѣнность — основа народнаго міросозерцанія и знамя тоски народнои по Руси святой. Православіе и есть соборованіе со святынею и соборность вкругъ

святыхъ. Достоевскій неоднократно указываетъ на подмѣченное имъ въ народѣ вѣрованіе, что земля только тѣмъ и стоитъ, что не переводится на ней святость...» [7]. В своем последнем романе «Братья Карамазовы» и в «Дневнике Писателя», который можно считать творческой лабораторией романа, Достоевский стремился найти в России, древней и современной, образцы святости. Опорой при этом для писателя становится Евангелие. В древнерусских житиях цитаты из него обычно подтверждали выбранный героем путь святости.

Ф. Б. Тарасов обратил внимание на то, что в черновых набросках к роману «Братья Карамазовы» евангельская традиция обозначена как главная [13, 338]. С. Сальвестрони подчеркнула, что в своих романах Достоевский следует той традиции славянского православного мира, которая предполагает, что библейское слово — это высший тематический мотив книги [12, 9]. Отметим при этом, что способ введения евангельского слова в текст в последнем романе Достоевского и в «Дневнике Писателя» одинаков.

Многие исследователи обращались к древнерусским традициям в творчестве Ф. М. Достоевского. В. В. Кусков, отмечая жанровую пластичность древнерусской словесности, показал традиции «Жития преп. Сергия Радонежского» в романе «Братья Карамазовы» [8, 21–28]. В. Е. Ветловская провела параллель между образной системой романа «Братья Карамазовы» и апокрифами, духовными стихами русского народа [3]. Тему мученичества как главную для жития святых и романа «Братья Карамазовы» выделил А. С. Ланцов [9]. В. Н. Захаров определил ведущий метод для древнерусской словесности и произведений Достоевского как христианский реализм [6, 10]. Подробный и тщательный анализ значения Евангелия в жизни и творчестве Достоевского осуществлен В. Н. Захаровым [5], Б. Н. Тихомировым [14] и В. Ф. Молчановым [10]. Целью нашей статьи является исследование диалогичности художественного и публицистического слова Ф. М. Достоевского, задачей — проследить, на каких уровнях происходит диалог с евангельским словом в древнерусских источниках и произведениях Достоевского.

Поиски национальных основ русской духовности усиливаются у Достоевского в 1876–1877 годах — в связи с русско-турецкой войной и появлением «восточного вопроса». За один только 1876 год Достоевский трижды пишет об исторических идеалах русского народа — о тех святых, которые «сами светят и всем нам путь освещают» (22: 43, 79, 104): это Сергей Радонежский, Феодосий Печерский, Тихон Задонский, Илья Муромец (23, 150). Готовность к самопожертвованию и способность послужить другим во имя Христа проявляются в подъеме русского народа в защиту братьев-славян: «...славянская идея в высшем смысле ее есть жертва, потребность жертвы даже собою за братьев, и чувство добровольного долга сильнейшему из славянских племен заступиться за слабого» (23, 103). Доказательством того, что святость — это живое явление в русском народе, становится подвиг Фомы Данилова, «замученного русского героя», который «принял муки за Христа» (25, 13). Отметим примечательный факт: в настоящее время создано Житие Фомы Данилова, и за его основу взят текст статьи из «Дневника Писателя» Достоевского [1].

Освободительное движение русского народа в защиту болгар Достоевский в «Дневнике Писателя» сравнивает с паломничеством по святым местам, с крестовым походом во имя веры — их объединяет стремление к очищению: «В этих рассказах (Четьи-Минеи. — Е. Ф.), и в рассказах про святые места, заключается для русского народа, так сказать, нечто покаянное и очистительное» (25, 215). Традиции жанра хождения в романе «Братья Карамазовы» проявляются в рассказах Зосимы о странствии по Руси.

Еще один путь к святости в древнерусской словесности — смирение. Житийные традиции, которые выстраиваются вокруг евангельского слова, ярче всего проступают в главе «Русский инок» романа «Братья Карамазовы». В качестве источников романа Ф. М. Достоевского обычно называют Четьи-Минеи святителя Димитрия Ростовского и Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четых-Миней митрополита Макария (22, 343). В Четых-Миней митрополита Макария¹ подчеркивается, что хриstopодобие

Сергия Радонежского начинается со смирения как следования евангельскому слову: кто хочет быть первым, будь всем слугою (Мк. 9:35; Мф. 20:26). В романе «Братья Карамазовы» в главе «Из жития в Бозе преставившегося старца Зосимы» показано, как смирение Маркела, Зосимы и таинственного посетителя приводит их к преображению — все они испытывают ощущение жизни как рая.

Маркел сначала принимает волю матери готовиться к причастию, а затем, смиряясь все больше и больше, осознает, что неоправданно возвышается над своими слугами: «...буду слугой моих слуг» (14, 262). После этого к нему приходит осознание ответственности за все происходящее: «...всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех» (14, 262). Зосима перед дуэлью вспоминает брата Маркела, который явил ему образ кротости, и осознает свое падение: «...я за всех, может быть, всех виновнее, да и хуже всех на свете людей» (14, 270). Глубокое раскаяние побуждает его сначала к покаянию перед слугой (14, 271), а затем — к публичному покаянию (14, 272). Пробуждение самосознания, обретение покоя и радости в душе позволяет ему нести проповедь жизни как рая.

Ф. Б. Тарасов увидел в «Братьях Карамазовых» указание на особое призвание русского человека — способность к духовному противлению злу [15]. Эта же тема звучит и в «Дневнике Писателя». В статье «Новый фазис Восточного вопроса» (октябрь 1876 года) Достоевский пишет о русском народе, взяв за основу его исторические идеалы: «...любитель жертв и ищущий правды и знающий, где она, народ кроткий, но сильный, честный и чистый сердцем» (23, 150). В черновиках к «Дневнику Писателя» за февраль 1876 года Достоевский размышляет о лучших героях русской литературы, несущих в себе отечественные духовные идеалы, и отмечает: «Кроткий человек... примириться со злом и сделать хоть малейшую нравственную уступку ему в душе своей он не может» (22, 189).

Способность к духовному сопротивлению злу отличает русских святых. В Великих Четых-Минеях митрополита Макария (XVI в.) Сергей Радонежский показан как праведный судия. Когда лихоимец обидел соседа, преподобный

Сергий задал ему вопрос: «чадо, аще вѣруеши, есть Богъ судія праведнымъ и грѣшнымъ, отецъ же сирымъ и вдовицамъ, готовъ на отмщеніе, и страшно есть впасти в руцѣ его..?»². В романе «Братья Карамазовы» Зосима укрепляет своего таинственного посетителя в решении пострадать и очиститься от греха и добивается «проникновения духовного» не словом своим, а Словом Божиим: читает сначала Евангелие от Иоанна о зерне, которое должно погибнуть прежде, чем прорасти, а затем Послание Апостола Павла: «Взял я книгу опять, развернул в другом месте и показал ему “К евреям”, глава X, стих 31. Прочел он: “Страшно впасть в руки Бога Живаго”» (14, 281). Таким образом, Достоевский, следуя агиографической традиции, в рассказе о таинственном посетителе показывает Зосиму как крепкого духом праведника, который помогает своему ближнему в борьбе с одержимостью, просвещая его Словом Божиим. В «Дневнике Писателя», размышляя о предназначении русского человека, Достоевский останавливается на просветительской задаче интеллигенции, используя образы евангельской притчи о сеятеле: «Просвещение народа — это, господа, наше право и наша обязанность, право это в высшем христианском смысле: кто знает доброе, кто знает истинное слово жизни, тот должен, обязан сообщить его незнающему, блуждающему во тьме брату своему, так по Евангелию» (25, 16).

Еще одна сквозная тема «Дневника Писателя» и романа «Братья Карамазовы» — суд человеческий и Суд Божий. Достоевский, рассказывая в «Дневнике Писателя» о судебных делах Каировой, Кронеберга, Корниловой, Струсберга, Джунковских, не только анализирует прозвучавшее в залах суда ораторское слово, но и сам создает образцы судебного красноречия, всегда используя евангельские цитаты и аллюзии, что должно подчеркнуть: суд человеческий не должен противоречить Суду Божьему. Русское судебное красноречие, таким образом, продолжает традиции древнерусского духовного красноречия. Объясняя, что наказание для семилетней девочки слишком сурово (о чем не подумал адвокат Спасович), Достоевский использует евангельскую цитату: «Налагают бремена тяжкие и неудобноносимые» (Мф. 23:4).

Эти же слова в «Братьях Карамазовых» говорит Алеша Карамазов Дмитрию, узнав о приговоре суда: «Не всем бремена тяжкие, для иных они невозможны» (15, 185). Речь идет о судьях, похожих на фарисеев, которые не проявляют сострадания к человеку. В статье «Геркулесовы столпы» («Дневник Писателя», февраль 1876 года) Достоевский утверждает, что общество живо, пока оно страдает: «Когда общество перестанет жалеть слабых и угнетенных, тогда ему же самому станет плохо: оно очерствеет и засохнет» (22, 70).

В майском номере «Дневника Писателя» за 1876 год Достоевский обращается к речи адвоката Каировой — господин Утина. Писатель продолжает тему «бремени ответственности», размышляя над тем, что присяжные заседатели речью адвоката были поставлены в чрезвычайно трудную ситуацию выбора: «Тут не по силам бремя... <...> Как же брать на себя присяжным такую обузу на свою совесть?» (23, 8–9). Достоевский полемизирует с адвокатом по поводу евангельской цитаты, которую тот использует, оправдывая свою клиентку: «...Тот, Кто сказал это слово, когда потом прощал преступницу, Тот прибавил: “иди и не греши”. Стало быть, грех все-таки назвал грехом; простил, но не оправдал его...» (23, 16); «Г-н защитник в конце своей речи применил к своей клиентке цитату из Евангелия: “она много любила, ей многое простится”. Это, конечно, очень мило. Тем более, что г-н защитник отлично хорошо знает, что Христос вовсе не за такую любовь простил “грешницу”. Считаю кощунством приводить теперь это великое и трогательное место Евангелия» (23, 19). В «Братьях Карамазовых» эту евангельскую аллюзию использует Федор Павлович Карамазов, когда берет на себя роль «адвоката» Грушеньки:

— Она, может быть, в юности пала, заеденная средой, но она “возлюбила много”, а возлюбившую много и Христос простил.

— Христос не за такую любовь простил... — вырвалось в нетерпении у кроткого отца Иосифа (14, 69).

А. Ю. Арутюнова, опираясь на теорию диалога М. Бахтина, выделяет два аспекта диалогичности художественного дискурса: внутритекстовой (герой-автор) и внетекстовой

(автор-читатель) [2], смысл высказывания рождается в результате диалогического взаимодействия двух сознаний, автору при этом отводится организующая функция. Г. С. Прохоров подобную речевую структуру обнаруживает в «Дневнике Писателя», отмечая целостность его текста, имеющего телеологический характер [11]. Следует уточнить, что диалогичность слова и диалогичность текста — разные понятия. Диалогичность слова предполагает завершенность процесса создания: слово уже сказано, у него есть Творец. Текст рождается в настоящем времени — он может быть не завершен. Поэтому правильнее говорить о целостности диалогического слова в «Братьях Карамазовых» и «Дневнике Писателя».

Рассказывая в «Дневнике Писателя» о деле Струсберга, Достоевский подчеркивает: его не устраивает то, что адвокаты своих «пропавших» клиентов называли «лучшими людьми всей Москвы». Писатель замечает: «...гораздо вернее было бы, указав на клиента, спросить по-евангельски: “Господа присяжные, кто из вас без греха?”» (23, 160). В «фантастической речи председателя суда», обращенной к супругам Джунковским, обвиняемым в жестоком отношении к детям, Достоевский напоминает им о Страшном Суде: «Вспомните тоже, что лишь для детей и для их золотых головок Спаситель наш обещал нам “сократить времена и сроки”. Ради них сократится мучение перерождения человеческого общества в совершеннейшее» (25, 193). Итак, согласно Достоевскому, для того чтобы человеческий суд соответствовал Божьему суду, судебные ораторы должны следовать евангельской истине.

В романе «Братья Карамазовы» адвокат Фетюкович произносит евангельскую цитату, оправдывая отцеубийство: «В ню же меру мерите, возмерится и вам», — это не я уже говорю, это Евангелие предписывает: мерить в ту меру, которую и вам меряют. Как же винить детей, если они нам меряют в нашу меру?» (15, 170). Прием семантического смещения, который использует адвокат, искажает смысл евангельского слова. В ответной речи прокурор восстанавливает традиционную систему духовно-нравственных ценностей и указывает на истинный смысл евангельского слова: «А Христос

именно велит не так делать, беречься так делать, потому что злобный мир так делает, мы же должны прощать и ланиту свою подставлять, а не в ту же меру отмеривать, в которую мерят нам наши обидчики. Вот чему учил нас Бог Наш, а не тому, что запрещать детям убивать отцов есть предрассудок. И не станем мы поправлять с кафедры истины и здравых понятий Евангелие Бога Нашего, которого защитник удостоивает назвать лишь “распятым человеколюбом”, в противоположность всей православной России, взывающей к нему: “Ты бо еси Бог Наш!..” (15, 174–175).

В «Дневнике Писателя» и в романе «Братья Карамазовы» Достоевский призывает судебных ораторов к тому, чтобы они не уподоблялись книжникам-фарисеям, следовавшим букве закона, а не духу. Евангельская цитата в русской судебной речи традиционно используется как аргумент к высшему авторитету, но, по мысли писателя, нельзя ее вырывать из контекста, чтобы не нивелировать нравственные ценности, которые исторически сложились в сознании русского народа и которые связаны с Православием.

Кульминацией второй части «Жития» Зосимы является глава «Можно ли быть судиею себе подобных? О вере до конца». В ней есть обращение к Евангелию от Матфея (18:20): «Верь до конца, хотя бы даже и случилось так, что все бы на земле совратились, а ты лишь единый верен остался: принеси и тогда жертву и восхвали Бога ты, единый оставшийся. А если вас таких двое сойдутся, то вот уж и весь мир, мир живой любви, обнимите друг друга в умилении и восхвалите Господа: ибо хотя и в вас двоих, но восполнилась правда его» (14, 291). Принесение жертвы — это Евхаристия, единение — собрание общины в тело Христово. В главе «Кана Галилейская» «Братьев Карамазовых» особенно ярко проявляются литургические традиции: так, в видении Алеши Зосима, несущий евангельскую истину, своим словом собирает вокруг себя других героев. С. Сальвестрони заметила, что кульминацией романа «Братья Карамазовы» является евхаристическая трапеза (13, 141). Об евхаристическом каноне и объединяющем евангельском слове вспоминает Достоевский и в «Дневнике Писателя» — в рассказе «Мальчик у Христа на

елке»: «...все они теперь как ангелы, все у Христа, и Он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей» (22, 17).

И. А. Есаулов указал, что в романе «Идиот» евангельская реминисценция становится результатом сопряжения родного и вселенского, преодоления индивидуального сознания [4]. На наш взгляд, сопряжение национального и вселенского — это общая особенность русской православной ментальности, которая ярче всего раскрывается в произведениях древнерусской словесности и Ф. М. Достоевского.

Таким образом, к традициям древнерусской словесности в «Дневнике Писателя» 1876–1877 годов и романе «Братья Карамазовы» можно отнести создание идеального образа человека — кроткого, но сильного духом, способного к самопожертвованию во имя Христа, а также проявление русской святости в соборности и в соборной личности, в следовании евангельской истине, в обращении автора к жанровым формам агиографии, хождения, духовного красноречия. Евангельское слово создает высший иерархический уровень в текстах Достоевского, воздействует на героев и на читателей, собирая их вокруг евангельской истины. Эти литургические и древнерусские традиции объединяют художественное творчество и публицистику Достоевского 1876–1880-х годов.

Примечания

¹ Великія Минеи Четіи, собранныя Всероссийским митрополитомъ Макаріемъ. Сентябрь 25–30. Изданіе Археографической комиссіи. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ. 1883. Стлб. 1404–1578.

² Там же. Стлб. 1446. («Дитя, веришь ли, что Бог есть судия праведным и грешным, отец сирым и вдовицам, готовый на отмщение, и что страшно впасть в его руки?» — Е. Ф.)

Список литературы

1. Артамонова Л. А. Заметка Достоевского о Фоме Данилове («Дневник писателя» в контексте современной региональной духовной культуры) // IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте». Избранные доклады и тезисы /

- Под общей ред. И. Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2014. — С. 236–237.
2. Арутюнова А. Ю. Диалогичность текста и категория связности. Петрозаводск: РИА-КМВ, 2009. — 176 с.
 3. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский Дом, 2007. — 640 с.
 4. Есаулов И. А. Родное как вселенское в национальном образе мира: отечественная словесность и «русская идея» // Литературоведческий журнал. 2011. — № 28. — С. 5–16.
 5. Захаров В. Н. Достоевский и Евангелие // Евангелие Достоевского: Исследования. Материалы к комментарию: в 2 т. М., 2010. Т. 2. — С. 5–35.
 6. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. — С. 5–21.
 7. Иванов Вяч. Ликъ и личины Россіи. Къ изслѣдованію идеологіи Достоевскаго [Электронный ресурс]. — URL: http://www.rvb.ru/ivanov/2_lifetime/rodnoe/014.htm (07.08.2014).
 8. Кусков В. В. Мотивы древнерусской литературы в романе «Братья Карамазовы» // Вестник МГУ. Сер.: Филология. 1971. — № 5. — С. 21–28.
 9. Ланцов А. С. «Будут все как дети Божии...» Традиции житийной литературы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Алетейя, 2011. — 60 с.
 10. Молчанов В. Ф. Евангелие Достоевского: оптико-электронная реконструкция авторских маргиналий // Евангелие Достоевского: Исследования. Материалы к комментарию: в 2 т. М., 2010. — Т. 2. — С. 36–62.
 11. Прохоров Г. С. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского: вопросы композиции. Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. — 73 с.
 12. Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб.: Академический проект, 2001. — 189 с.
 13. Тарасов Ф. Б. Евангельский текст в художественной концепции «Братьев Карамазовых» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Современное состояние изучения / Под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. — С. 332–379.
 14. Тихомиров Б. Н. Отражения Евангельского Слова в текстах Достоевского. Материалы к комментарию // Евангелие Достоевского: Исследования. Материалы к комментарию: в 2 т. М., 2010. — Т. 2. — С. 63–469.

Elena A. Fedorova

*Yaroslavl Demidov State University,
Rybinsk State History
Architecture and Art Museum-Preserve
(Yaroslavl, Rybinsk, Russian Federation)
sole11@yandex.ru*

**THE EVANGELICAL AS THE NATIVE
IN THE “BROTHERS KARAMAZOV”
AND IN “A WRITER’S DIARY” (1876–1877)
BY FYODOR DOSTOEVSKY**

Abstract. The article identifies the reasons for Fyodor Dostoevsky’s appeal to the traditions of Old Russian literature in “A Writer’s Diary” during the Russian-Turkish war. One of the main reasons is seeking for national foundations of Russian spirituality. The writer learned the world of medieval literacy getting acquainted with hagiography, walking, spiritual eloquence. Later Dostoevsky reverted to the Old Russian monuments in the course of his work on the novel “The Brothers Karamazov” (in particular on the chapter “The Russian Monk”). As follows from the comparison of the texts the dominant qualities of the ideal image of a Russian saint are repentance, humility and suffering, desire for purification, spiritual ability to resist the evil. The ideal form of existence of Russian people becomes conciliarism. The type of historicism is the movement to the Last Judgment. Gospel allusions and metaphors reinforce the author’s interpretation. Thus, Dostoevsky carries on the dialogue with the evangelical word at an ideological, imaginative, genre, motive and narrative level of the text. The hallmark of the works of Fyodor Dostoevsky who followed the evangelical tradition, becomes a dialogical word.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, “A Writer’s Diary”, “The Brothers Karamazov”, traditions of Old Russian literature

References

1. Artamonova L. A. Zametka Dostoevskogo o Fome Danilove («Dnevnik pisatelya» v kontekste sovremennoy regional’noy dukhovnoy kul’tury) [Dostoevsky’s notes about Foma Danilov (“A Writer’s Diary” in the context of contemporary regional spiritual culture)]. *IV Mezhdunarodnyy simpozium “Russkaya slovesnost’ v mirovom kul’turnom kontekste”: izbrannye doklady i tezisy* [The 4th International Symposium “Russian literature in the world cultural context”: selected reports and theses]. Moscow, Literary Fund of Dostoevsky Publ., 2014, pp. 236–237.
2. Arutyunova A. Yu. *Dialogichnost’ teksta i kategoriya svyaznosti* [Textual dialogism and a category of coherence]. Pyatigorsk, RIA-KMV Publ., 2009. 176 p.

3. Vetlovskaya V. E. *Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»* [Fyodor Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"]. Saint-Petersburg, Pushkin House Publ., 2007. 640 p.
4. Esaulov I. A. Rodnoe kak vselenskoe v natsional'nom obraze mira: otechestvennaya slovesnost' i "russkaya ideya" [The Native as the universal in the national image of the world: Russian literature and the "Russian idea"]. *Literaturovedcheskiy zhurnal* [Literary Journal], 2011, no. 28, pp. 5–16.
5. Zakharov V. N. Dostoevskiy i Evangelie [Dostoevsky and the Gospel]. *Evangelie Dostoevskogo: issledovaniya. Materialy k kommentariyu: v 2 tomakh* [The Gospel of Dostoevsky. Researches. Materials to the comments: in 2 vol.]. Moscow, 2010, vol. 2, pp. 5–35.
6. Zakharov V. N. Khristianskiy realizm v russkoy literature (postanovka problemy) [Christian realism in Russian literature (setting of a problem)]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2001. Vol. 6: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XIX–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre]. Issue 3, pp. 5–12.
7. Ivanov Vyacheslav. *Lik i lichiny Rossii. K issledovaniyu ideologii Dostoevskogo* [Holy image and guises of Russia. On the study of Dostoevsky's ideology]. URL: http://www.rvb.ru/ivanov/2_lifetime/rodnoe/014.htm (accessed 07 August 2014).
8. Kuskov V. V. Motivy drevnerusskoy literatury v romane «Brat'ya Karamazovy» [Motives of Old Russian literature in the novel "The Brothers Karamazov"]. *Vestnik MGU. Filologiya* [Bulletin of Moscow State University. Philology], 1971, no. 5, pp. 21–28.
9. Lantsov A. S. «Budut vse kak deti Bozhii...» Traditsii zhitiynoy literatury v romane F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy» ["Everyone will be like the God's child..." Traditions of hagiography in Fyodor Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"]. Saint-Petersburg, Aleteyya Publ., 2011. 60 p.
10. Molchanov V. F. Evangelie Dostoevskogo: optiko-electronnaya rekonstruktsiya avtorskikh marginaliy [The Gospel of Dostoevsky: optoelectronic reconstruction of marginal notes]. *Evangelie Dostoevskogo: issledovaniya. Materialy k kommentariyu: v 2 tomakh* [The Gospel of Dostoevsky: Researches. Materials to the comments: in 2 vol.]. Moscow, 2010, vol. 2, pp. 36–62.
11. Prokhorov G. S. «Dnevnik pisatelya» F. M. Dostoevskogo: voprosy kompozitsii ["A Writer's Diary" by Fyodor Dostoevsky: issues of composition]. Kolomna, Moscow State Regional Social and Humanitarian Institute Publ., 2013. 73 p.
12. Salvestrone S. *Bibleyskie i svyatootcheskie istochniki romanov Dostoevskogo* [Biblical and patristic sources of Dostoevsky's novels]. Saint-Petersburg, Academic Project Publ., 2001. 189 p.

13. Tarasov F. B. Evangel'skiy tekst v khudozhestvennoy kontseptsii «Brat'ev Karamazovykh» [The Gospel text in the artistic conception of “*The Brothers Karamazov*”]. *Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»: Sovremennoe sostoyanie izucheniya [Fyodor Dostoevsky's novel “The Brothers Karamazov”: The current state of research]*. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 332–379.
14. Tikhomirov B. N. Otrazheniya Evangel'skogo Slova v tekstakh Dostoevskogo. Materialy k kommentariyu [Embodiment of the Gospel word in the writings of Dostoevsky. Materials to the comments]. *Evangelie Dostoevskogo: issledovaniya. Materialy k kommentariyu: v 2 tomakh [The Gospel of Dostoevsky: Researches. Materials to the comments: in 2 vol.]*. Moscow, 2010, vol. 2, pp. 63–469.

Дата поступления в редакцию: 12.12.2014